

— Разве сейчас не время думать о том, как спасти людей? — сказал Хуа Маньлоу, подходя. — Вы всё время говорите о князе Юньлю, о восстановлении его славы, но сейчас вы довели до смерти его любимого генерала и погребли под горой столько людей. Если бы князь Юньлю был жив, он бы, вероятно, предпочёл, чтобы эти солдаты погибли на поле боя, а не напрасно лишились жизни.

Цин Цю сжал зубы, чтобы не выплюнуть кровь, и, взглянув на гору, заметил, что императорская армия не занималась перегруппировкой, а вместо этого копалась в развалинах, спасая всех, кого находила, словно забыв, что это место только что было полем боя.

— Так это ты, предатель-учёный! — Син Чаоэнь, который руководил спасательной операцией, услышал шум и, увидев их, пришёл в ярость, выхватив меч и бросившись в атаку.

— Так и есть, — Лу Сяофэн сначала блокировал удар Син Чаоэня, затем улыбнулся, глядя на Цин Цю. — Управа Мучуань, целый уезд, могла ли она быть захвачена без ведома внешнего мира? Похоже, вы и есть местный начальник уезда?

— Именно он, предатель! — Син Чаоэнь был вне себя. — Я ещё раньше говорил господину Ли, что у этого парня злое внешность, он скрывает свои боевые навыки и определённо имеет двойные намерения, но господин Ли, словно под гипнозом, верил ему, и теперь это обернулось катастрофой!

Господин Ли, очевидно, был Ли Мином, губернатором Сычуани.

Цин Цю наконец пришёл в себя, и его нахмуренный лоб разгладился, но на нём осталась складка. Он смотрел на разрушения и хрипло произнёс:

— Я никогда не был подданным империи, так как это может считаться изменой? Всю свою жизнь я был несправедливым и бесчестным, но никогда не был неверным и непочтительным.

Сказав это, он оттолкнул руку Чжун Иньяна, который его поддерживал, и приказал ему перегруппировать войска, видимо, собираясь покинуть это место.

— Если ты сегодня хоть на шаг выйдешь из Мучуаня, я возьму твою фамилию! — Син Чаоэнь бросил свой меч вперёд, и он воткнулся прямо перед Цин Цю.

Лу Сяофэн на этот раз не остановил его — если всё началось здесь, то пусть здесь и закончится, не нужно отпускать тигра в горы и затягивать конфликт.

Пока они стояли на развалинах, противостоя друг другу, Дядюшка Юнь по дороге встретил Тан Уюна и его людей. Увидев их вещи, он не смог устоять и решил немного поразвлечься, поэтому парализовал двух слуг, охранявших ящики, и сам начал рыться в них. К его удивлению, внутри оказались не только золото и драгоценности, но и живой человек.

Этот человек был знаком Дядюшке Юню, ведь именно он принимал его, когда тот жил в Клане Тан.

Тан Цю, связанный, сначала закрыл глаза и отвернулся, но, увидев, кто перед ним, с радостью взглядом попросил о помощи.

Дядюшка Юнь скорчил рожицу, ловко развязал верёвки на теле Тан Цю и, не издав ни звука, бросил его на землю, пока телега удалялась. Но Дядюшка Юнь всё ещё рылся в ящике, ища сокровища. Тан Цю огляделся — на пустой дороге не было ни души. Почему Дядюшка Юнь не

развязал его полностью? Что это за манера?!

Только он начал думать, как перерезать верёвки, как Дядюшка Юнь вернулся, разочарованный.

— Ваш Клан Тан так хвастается в мире боевых искусств, а тут даже старику не нашлось ничего стоящего! — Дядюшка Юнь шёл, заложив руки за спину, и качал головой.

— Дядюшка Юнь, развяжите меня, я знаю, где сокровища! — Тан Цю, услышав о сокровищах, оживился и тут же ответил, выглядев встревоженным, словно боялся, что опоздает.

— Тогда веди меня! — Дядюшка Юнь стал ещё более возбуждённым и, не говоря ни слова, схватил его и понёс, даже не потрудившись развязать верёвки.

Тан Цю, которого несли вниз головой, думал то же, что и Юй Си: «Дядюшка, можно хотя бы перевернуть меня?»

Внутри управы Мучуань, из-за грохота обрушившейся горы, начальник управления Маху, который находился за пределами управы, не выдержал и ворвался внутрь с группой стражников. Хотя это были не регулярные войска Син Чаозня, их было много, и теперь у Цин Цю не было никаких шансов на победу.

— Господин начальник, лучше бы заняться спасением людей, — Хуа Маньлоу теперь больше беспокоился о тех, кто всё ещё был погребён под обломками.

Если раньше он испытывал к Цин Цю некоторую симпатию, то теперь её не осталось. Он продолжал обсуждать с начальником управы, одновременно отдавая приказы теневой страже:

— Все идите спасать людей, сколько сможете, и немедленно отправляйтесь в постоянный двор «Шучжун» за помощью, не медлите, вперёд!

Начальник управы и его люди всё ещё стояли, разинув рты перед этой огромной грудой развалин, а теневая стража уже бросилась выполнять приказ, не смея задержаться.

— Симэнь, теперь всё зависит от тебя. Если кто-то попытается помешать спасать людей, желая смерти, то пусть получают её, — Лу Сяофэн теперь тоже не хотел тратить время на Цин Цю, который продолжал бороться в своих мечтах.

Зная, что Хуа Маньлоу хочет спасти людей, он не стал ему перечить и решил закончить всё как можно быстрее.

Цин Цю окинул их троих взглядом:

— Только вы трое?

Лу Сяофэн упёр руки в боки и усмехнулся:

— Чтобы разобраться с кучкой мечтателей, сколько ещё нужно?

Выражение лица Цин Цю стало неоднозначным. Самоуверенность и презрение Лу Сяофэна раздражали, но он также понимал, что у них есть на это право, и не мог найти слов для возражения. Он невольно задумался: неужели сегодня он не сможет выполнить завет предков только из-за своей некомпетентности?

— Если князь Юньлю не вернётся, то наше существование в этом мире бессмысленно. Лучше умереть здесь и последовать за князем в преисподнюю, чтобы встретиться с предками.

Нет, это не его некомпетентность. Он посвятил этому делу всю свою жизнь, и даже в последний момент он не мог отрицать, что отдал всё ради этого.

Симэнь Чуйсюэ вытащил меч, холодно глядя на солдат, готовых к смертельной схватке:

— Мой меч выходит из ножен только для крови. Сегодня, умирая от моего меча, вы сможете в следующей жизни стать простыми людьми.

Хуа Маньлоу покачал головой, с сожалением вздохнув. Он ненавидел убийства, но понимал, что иногда смерть оправдана. Взяв меч, переданный ему Лу Сяофэном, он повернулся к Линлун:

— Уведи свою сестру отсюда.

Линлун, с покрасневшими глазами, произнесла:

— Господин Хуа...

Но не смогла продолжить.

Лу Сяофэн почесал нос, взял в руки меч, сжал руку Хуа Маньлоу и сказал:

— Будь осторожен.

Цин Цю вытащил из-за спины изогнутый меч, его лезвие сияло чистым светом, но было окрашено кровью. Он поднял руку, направив остриё меча на Лу Сяофэна:

— Лу Сяофэн, ты разрушил мои надежды, и сегодня я возьму твою кровь, чтобы почтить дух князя.

— Моя кровь слишком ценна, чтобы её мог взять кто угодно. Если хочешь, попробуй взять её силой, — Лу Сяофэн с готовностью принял вызов.

Тем временем Симэнь Чуйсюэ и Хуа Маньлоу уже были окружены. Один двигался, как молния, другой — как лёгкое облако, каждый в своём стиле.

После первого обмена ударами Лу Сяофэн понял, почему Син Чаоэнь сразу назвал Цин Цю предателем. Его техника изогнутого меча явно была вдохновлена техникой клинка Новой Луны Ли Линь из Шучжуна. Ли Линь была матерью Ли Циня, левого губернатора Сычуани. Эта госпожа Ли, происходившая из семьи боевых искусств, вышла замуж за чиновника и после этого оставила меч, даже не научив своего сына своей знаменитой техники. Но теперь Лу Сяофэн увидел её здесь, и это вызвало у него удивление.

Техника клинка Новой Луны изначально была создана для женщин, но ходили слухи, что госпожа Ли никогда не любила женские украшения и обладала природной силой, поэтому её техника была не только изящной, но и мощной. Цин Цю, с его стройным телосложением, не мог овладеть сильной техникой меча, поэтому, немного изменив технику клинка Новой Луны, он сделал её идеальной для себя.

Лу Сяофэн подобрал грубо выкованный железный меч и, блокируя всего три удара, уже получил несколько зазубрин на лезвии. Противник атаковал с бешеной решимостью, и Лу

Сяофэн был вынужден отступить на несколько шагов.

Симэнь Чуйсюэ, который в одиночку сражался с десятками бойцов, бросил на него взгляд:

— Справишься? Если нет, я возьмусь.

— Не смейся, — Лу Сяофэн рассердился, посмотрел на Хуа Маньлоу и увидел его идеальный профиль, что мгновенно наполнило его боевым духом.

Если я не выиграю этот бой, то в доме Хуа ещё есть шестеро, кто сложнее Цин Цю!

Авторское примечание:

Смотря «Седьмого пса», хотя сюжет был слаб, я пролил целую корзину слёз... Если животные способны на такие чувства, то что уж говорить о людях?

<http://bllate.org/book/16229/1458506>